НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

«ОТКРЫТАЯ СТРУКТУРА...» Н.С. АВТОНОМОВОЙ – ОПЫТ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

А.Ю. ШЕЛКОВНИКОВ

«Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров» – исследование Н.С. Автономовой, вышедшее в 2009 г. в издательстве РОССПЭН, следует признать одним из актуальнейших произведений философско-филологической и общегуманитарной мысли первого десятилетия XXI века. Эти размышления – отклик на фундаментальный труд прекрасного переводчика, филолога и философа Наталии Сергеевны Автономовой. Попытка осмыслить «Открытую структуру...» будет во многом противоположной в структурно-функциональном и качественном отношениях рассматриваемому тексту. Я ограничусь имманентным анализом «Открытой структуры...» со ссылками только на эту работу (*Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 503 с. – (Российские Пропилеи)).

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на термин-метафору «открытая структура». Со структурно-семиотической точки зрения (в духе Ю.М. Лотмана и У. Эко) ничего метафорического в этом термине нет. Но в книге метафоризм возникает. В аннотации сказано: «“Открытая структура” – это парадокс, многозначная метафора, которая обнаруживает и свои познавательные возможности: она становится условием междисциплинарных переходов, местом выработки культурных и эпистемологических соизмеримостей»[1]. Посмотрим, как автор обосновывает эту парадоксальную метафоричность.

«Итак, что же такое “открытая структура”? И о ком (о чем) собственно идет речь, если перечисленные персонажи общего смыслового ряда явно не образуют? В любом случае “открытая структура” – это скорее образ, интуиция, нежели понятие. Это словосочетание полемично... структура не только не исключает творческого акта, “открытого произведения”, но даже в известном смысле является его условием. Все “неструктурное” существует потому, что существует “структура”, оно возможно потому, что структура открыта.

Тем самым я утверждаю жизнеспособность открытой структуры: это парадоксальное понятие принадлежит моему языку (метаязыку); это некий гиперконцепт, обобщенное и интенсифицированное качество, не содержащееся в полном своем виде в той или иной конкретной концепции, но раскрывающее их потенциал и направленность. Это понятие будет явно или неявно сопровождать нас на страницах этой книги и само покажет свои эвристические возможности. У него будет свой обыденный двойник: назовем его "структура сегодня", он будет ближе к тому, что в мысли о структуре живет в наших нынешних мыслительных ходах и интенциях»[2].

Парадоксальность обнаруживается в ссылке на «ход мысли» У. Эко, повлиявший на многих исследователей, согласно которому «если "открытая", то не структура, а если "структура", то какая уж тут открытость? А потому – долой структуру!»[3]. Думается, что здесь речь идет скорее о неотрефлексированности структуралистских идей в определенных исследовательских и читательских кругах у нас и за рубежом. Таким образом, парадоксальность присуща пониманию, а, точнее, непониманию как структуралистских, так и постструктуралистских интенций в интеллектуальном гуманитарном сообществе. В отечественном структурализме (которому и посвящена рассматриваемая книга) структура всегда понималась как открытая и только как открытая. В большей и полной мере такое понимание структуры было присуще Ю.М. Лотману. Основатель тартуской структурно-семиотической школы очень любил биологические метафоры, параллели и абдукции (в связи со своими юношескими интересами). Он часто «внедрялся» в этологию животных, концепцию семиосферы развивал по аналогии с биосферой В.И. Вернадского, а также уделял особенное внимание границе знаковой системы, текста. Он обращал внимание на ее полилингвиальность, сравнивал с клеточной мембраной, обладающей избирательной пропускной способностью. Именно граница текста или культуры как текста является зоной перевода с одних языков культуры на другие. Граница структуры, отграниченность знаковой системы (важнейший признак структурности) является условием ее открытости. И как раз на основании этой идеи Ю.М. Лотман и Н.С. Автономова развивают интереснейшую философию языка и философию перевода. В этом пункте я отсылаю читателя к предыдущей монографии Н.С. Автономовой[4].

Открытость структуры у Ю.М. Лотмана (и это так или иначе распространяется на всю структурно-семиотическую методологию) связана с динамизмом, проецируемостью на разные контексты, автокоммуникацией, полифункциональностью, зависимостью от разных кодов, дополнительностью метаязыков, параллелизмом формальных и семантических элементов (также и гаспаровская тема) и т.д. Мне представляется, что у Н.С. Автономовой отношение к открытости структуры вполне рационалистическое, что она наследует в этом смысле лучшие традиции отечественной (и не только) гуманитарной

мысли, разумеется, усиливая и развивая их. Некоторая мистификация, связанная с понятием «открытости структуры», возникает при совершенно адекватном взгляде на общую ситуацию превратности понимания идей структурности, рационализма, интертекстуальности в современной гуманитаристике. Автор как бы учитывает мнения современных скрыто и явно полемизирующих гуманитариев, для которых открытая структура – действительно нечто невозможное. И такое положение дел настойчиво говорит нам о том, что одно из актуальнейших направлений современных общегуманитарных и философских исследований тесно связано с реконструкцией и реактуализацией таких явлений отечественной и мировой культуры, как русский структурализм (безусловно, в контексте мирового), структурно-семиотическая методология, исследования вторичных моделирующих систем, гуманитарный рационализм, не противопоставляющий себя естественнонаучному, но, напротив, стремящийся к эпистемологическому синтезу.

Ситуация непонимания идей структурности, знаковости, инвариантности и т.п. возникает, как правило, в зоне междисциплинарного перевода между философией и филологией. Именно в эту «горячую точку» направлен просвещающий исследовательский взор автора «Открытой структуры...». И я искренне рад, что теперь можно ссылаться на авторитетный источник, реагируя на мнения и реплики многих современных философов, филологов, культурологов, которые игнорируют теоретическую и методологическую сокровищницу структуралистских и семиотических исследований, образующих в нашей стране подлинно научную рационалистическую традицию, вполне самостоятельную методологическую школу, один из перспективных вариантов философии науки, а также ярчайшее явление научной словесности. Время эпигонства и моды прошло, наступило время ученичества и серьезного культурно-исторического изучения. В этом смысле деятельность Н.С. Автономовой является связующей – она открывала русским читателям и исследователям французский структурализм и постструктурализм, находилась в одном исследовательском поле с лучшими представителями неорационалистического гуманитарного знания – М.Л. Гаспаровым, Ю.М. Лотманом, Е.М. Мелетинским, Р.О. Якобсоном, У. Эко и др. Являясь непосредственным участником традиции, Н.С. Автономова видит необходимость нового интенсивного обращения к структуралистской (в самом широком смысле) методологии в то время, когда многие мэтры еще живы, но скепсис и инертность, а также оригинальничающий нарциссизм современной гуманитарной мысли (как бы мысли) делают структурализм и самое открытую структуру просто неинтересными.

Теперь обратимся ко второй части названия книги: «...Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров». Эти исключительные по своей значимости ученые и мыслители так или иначе имели дело с открытыми структурами, изучали их, размышляли о них и создавали их. Но и

сами они (как именной ряд) выстраиваются в некую открытую квартернарную структуру. Хотя Н.С. Автономова и говорит о том, что названные персонажи не образуют единого смыслового ряда, с этим можно поспорить. Но, понятно, такой спор не принципиален. В любом случае, теперь, после выхода в свет «Открытой структуры...», смысловой ряд образован. От Якобсона к Лотману выстраивается довольно строгая научная преемственность в контексте структурной поэтики, стиховедения, «грамматики поэзии», а также в общеметодологическом ключе (хотя в большей мере Лотман шел от Ю.Н. Тынянова). Гаспаров, хоть это и был, по его собственным словам, «взгляд из угла» (что не может не читаться как некое краеугольное, фундаментальное положение в оценке со стороны), настолько гармонично при этом задавая тон, вписывался в общее методологическое поле структурных исследований, что, опять же, не остается сомнений в его причастности к обсуждаемой исследовательской традиции (к которой, по всей видимости, принадлежит и Н.С. Автономова). Традицию в данном случае надо понимать достаточно широко и гибко.

Обратим внимание на следующие слова Н.С. Автономовой: «В связи с Гаспаровым хочется спросить философов: известно ли им, что мы действительно кое в чем из области научной гуманитаристики находимся впереди планеты всей? Здесь напрашивается сюжет о трех богатырях. Борис Исаакович Ярхо (1889 – 1942), Кирилл Федорович Тарановский (1911 – 1993) и Михаил Леонович Гаспаров (1935 – 2005) на протяжении всего XX века – в одиночку, при прямом противодействии окружения, делали свое дело: они сумели создать такие способы и приемы изучения формальных и структурных аспектов стиха, которыми сейчас, в начале XXI, пользуются практически все стиховеды в мире»[5]. Очень справедливые слова. И это не только констатация научно-исторического факта (положения вещей).

Стиховедение – это не просто одна из гуманитарных (более конкретно, литературоведческих) дисциплин, но и перевод с языка поэзии (самого организованного художественного языка) на исследовательский метаязык, с ритмического языка на неритмический, а также на ритмический метаязык (имеются в виду условные стиховедческие обозначения). Думается, что уникальный язык стиховедения занимает особое положение в системе культуры, ибо является выражением понимания определенных семантических, структурно-аналогических и тому подобных связей, существующих между художественным и рациональным, «метром и смыслом» (по-гаспаровски), формой и содержанием, а последнее очень важно для самосознания культуры. Через уяснение формально-содержательных параллелизмов в культуре, сознании, деятельности мы вырабатываем определенную технику понимания, необходимую для нашего осознанного существования. Для подлинного (не рутинного) стиховедения основным (исходным импульсом) являются любовь к поэзии, понимание поэзии и умение (мастерство) «поверить алгеброй гармонию». Это – очень ред-

кое сочетание, поэтому талантливые стиховеды встречаются реже талантливых поэтов. Безусловно, стиховедение, во всяком случае, в контексте современной культуры, является не только наукой, но и искусством, мастерством, «музой». Кстати, «трое» из «Открытой структуры...» объединяются именно на основе «любви к алгебре и гармонии» – Якобсон, Лотман и Гаспаров. Бахтин, разумеется, стоит особняком. Он и со-противопоставлен остальным, в том числе и по признаку «внимание к поэтической / непоэтической речи».

В качестве предтечи стиховедческой интенции Н.С. Автономова называет Андрея Белого. Это, конечно, так. В свое время на это указывал и Ю.М. Лотман, правда, называя еще и В.Я. Брюсова. В этой связи не стоит недооценивать и роли Н.С. Гумилева (брюсовская школа) и вообще «Цеха поэтов», русского акмеизма. Вяч. Вс. Иванов обращал внимание на то, что термин и понятие «поэтический прием» Гумилев начал использовать раньше, чем формалисты. Можно также сказать и о том, что «Письма о русской поэзии» Н.С. Гумилева, некоторые теоретические статьи и в особенности план так и не написанной книги «Теория интегральной поэтики» явились весьма важной вехой на пути становления формализма, структурализма и, в целом, гуманитарного рационализма.

Возвращаясь к «именам», хотелось бы отметить, что М.Л. Гаспаров, наверное, добавил бы к перечню великих стиховедов Ю.Н. Тынянова и Ю.М. Лотмана. Не стоит также забывать и В.С. Баевского. Вообще, выбор имен в гуманитаристике – вещь довольно «мифологическая», «мифогенная». Такой выбор, часто оказывающийся субъективным, склонен порождать структуры, пантеоны, «династии», плеяды и т.п. За таким постулированием имен следует порождение в гуманитарном метаязыке школ, направлений, течений, тенденций и пр. Затем этот материал подвергается вторичной классификации на ином уровне абстракции и т.д. Это – один из способов разрастания грибницы гуманитарного знания. Хотелось бы сказать, что Н.С. Автономова избегает всех нежелательных последствий импликаций персоналистической гуманитаристики благодаря тому, что провозглашается произвольность и открытость данной «именной структуры». Обращение автора к Якобсону, Бахтину, Лотману и Гаспарову, вероятно, мотивировано личной научно-исследовательской, творческой историей Н.С. Автономовой. Нельзя также не отметить, что книга обладает и полемической заостренностью. Веер непониманий, развернувшийся в поле перевода между языками философии и филологии, «понятием и словом», структурно-функционально связан с концепциями именно этих четырех ученых и философов, с их «точками несовпадений». Эти уязвимые точки и обнажает Н.С. Автономова, оказываясь пятым героем этой сложной философско-филологической истории.

Представляется, что «Открытая структура» имеет диахронический вектор. Она так или иначе описывает эволюцию русского структурализма (от Якобсона к Лотману). Бахтин, как правило, оказыва-

ется оппонентом, но довольно странным. Его оппонирующая роль разыгрывается в большей степени у комментаторов. Для структуралистов он – скорее неформальный мэтр, учитель. Вспомним о почтительнейшем и методологически заинтересованном отношении к Бахтину Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, Вяч.Вс. Иванова и многих других. Если предлагать синхроническую модель (парадигму отечественного структурализма 1960 – 1970-х годов), следовало бы, наверное, назвать Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, Вяч.Вс. Иванова, В.Н. Топорова и А.М. Пятигорского (соавторов одной из знаковых работ о вторичных моделирующих системах, цитируемой Н.С. Автономовой). Автор также говорит, что на страницах книги постоянно подспудно присутствует Е.М. Мелетинский. Видимо, не только он. Книга Н.С. Автономовой – постановка проблемы, приглашение к разговору. «Открытая структура...» – школа мысли, в ней показывается, как можно и должно описывать, анализировать и интерпретировать ученых-гуманитариев, авторов оригинальных и значимых концепций. И, естественно, такой подход, удерживающийся на некоем методологическом пределе объективности, корректности, скрупулезности и эвристичности, может и должен быть распространен на другие имена, в том числе и на ныне живущих авторов. К тому же и «четверо» (Якобсон, Бахтин, Лотман, Гаспаров) рассмотрены в определенном аспекте, и многие другие грани творчества этих ученых ждут дальнейшего открытия и развертывания.

Мы чувствуем, что у автора «Открытой структуры...» подчеркнуто различное отношение к своим героям. Я сейчас говорю не о личном, а о методологии. Чтобы сказать то, о чем хотелось бы, нужны определенные линии внимания и точки концентрации. В разговоре о Якобсоне обращает на себя внимание энциклопедизм основателя структурализма (как общегуманитарной методологии и, с оговорками, философии), его непреходящая значимость и т.д. Но сосредоточивается разговор на самом уязвимом топосе якобсоновской концепции – на его псевдоевразийстве. По всей видимости, Н.С. Автономова обнаруживает точку деконструкции, раскрывающую мнимость всей цельности и выстроенности, холизма метатекста Р.О. Якобсона. Но, оказывается, обнажение фиктивной евразийской позиции Якобсона не разрушает всей постройки. Структура остается самотождественной и в то же время открытой для обсуждения. И Н.С. Автономова делает следующий вывод: «В любом случае “евразийский эпизод” отменяет линейность привычных историко-лингвистических описаний, но не стирает главного: определенной поступательности в развитии знания, которая проявляет себя в том, что одна и та же тема при разных обстоятельствах вновь и вновь всплывает на поверхность. А это значит также, что, несмотря на всю видимость глубокого погружения в конкретные ситуативные “заказы”, социальная обусловленность знания не в состоянии полностью отменить саму установку на объективность, которая прокладывает себе путь через социальные об-

стоятельства, сквозь них, вопреки им, хотя в чем-то, парадоксальным образом, и благодаря им»[6].

Это положение, на мой взгляд, не очень разъясняет позиции Якобсона и Н.С. Трубецкого, но является важным и актуальным обобщением в контексте философии и социологии науки.

Раздел о Бахтине самый полемический. Один из основных вопросов – филолог или философ Бахтин? Н.С. Автономова очень интересно со-противопоставляет диалог и перевод. Замечу, что Ю.М. Лотман рассматривал М.М. Бахтина как одного из важнейших предтеч структурного метода, ссылаясь в основном на книгу о Рабле. Во всяком случае, он уделял Бахтину в методологическом отношении гораздо большее внимание, чем Г. Шпету. Не случайно один из выпусков «Трудов по знаковым системам» был посвящен именно Бахтину. Бахтинская диалогичность очень хорошо вписывается как особого рода структурный функционализм в структурно-семиотическую методологию. И ведь Бахтина, так же, как и структуралистов, интересовал поиск структурного инварианта, или, другими словами, прафеномена. Просто Бахтин использовал другую терминологию. Ведь что такое мениппея по отношению к роману? Прафеномен, структурный инвариант. Вопрос только в том, сконструирован ли этот инвариант или исторически реконструирован? В этом суть нападок на Бахтина М.Л. Гаспарова. Пускай реконструкция мениппеи не отвечает строгим историко-фактическим критериям, но она является превосходным инструментом понимания нарративной структуры романа. То же самое может быть сказано о реконструкции принципов карнавализации, смеховой культуры. Ценность таких моделей в первую очередь герменевтическая, здесь мы имеем дело с выработкой определенной техники понимания культурных смыслов.

В общем, можно сказать, что внимание Н.С. Автономовой в разделе о Бахтине также сосредоточено на наиболее спорных и уязвимых положениях «бахтинского текста». Если у Якобсона обнаружена одна «точка деконструкции» (евразийство), то «бахтинская уязвимость» предстает как целостное явление, нечто тотальное (и фатальное). Мне кажется, что Ю.М. Лотман, если бы он преследовал те же цели, что и Н.С. Автономова (апология гуманитарной рациональности, структурного метода), сосредоточился бы скорее на общем для Бахтина и структуралистов. Частично это и было сделано в работах Лотмана, Б.А. Успенского и Вяч.Вс. Иванова. От Бахтина структурализм только выигрывает, если первого понимать гибко, диалогически, жестко не противопоставляя его ни формалистам, ни структуралистам, ни кому бы то ни было еще, не используя великого мыслителя в качестве инструмента для бичевания своих научных оппонентов.

К Ю.М. Лотману отношение существенно иное. Он практически не критикуется. Наиболее ценными и интересными представляются размышления Н.С. Автономовой о лотмановском методе в контексте философии перевода. Лотман только наметил некоторые векторы

осмысления перевода как семиотического и эпистемологического феномена. Н.С. Автономова, как никто другой, способна (и в значительной мере она уже сделала это) развить и на определенном уровне завершить эту исследовательскую линию. Конечно, речь идет об авторской философии (и поэтике) перевода, но она является и ответом на лотмановскую постановку вопроса.

Раздел о М.Л. Гаспарове – самый проникновенный, подлинно диалогический. Вообще, когда читаешь книгу (особенно при повторном прочтении), чувствуешь, что почти каждая фраза говорится в проекции на возможное учитывание реакции Гаспарова (а что бы на это сказал он, что бы подумал?..) В этом разделе заостряется полемика с Бахтиным, строгая научная рациональность противопоставляется «свободному полету мысли». Гаспаров представлен как «рыцарь строгой науки». Делается также акцент на неприятии постмодернизма как научной несостоятельности и безответственности. По-видимому, Гаспаров не любил и не старался понять «постструктурализм – деконструктивизм – постмодернизм» (по И.П. Ильину). Н.С. Автономова же – переводчик Деррида и Фуко, глубже и полнее других в нашей стране знающая и понимающая «французскую посткультуру», и в то же время прекрасно знающая круг мыслей русских структуралистов и прежде всего М.Л. Гаспарова, имеет возможность постоянно переводить некоторые ускользающие смыслы, то и дело возникающие между «структурой» и «ризомой» (в рефлексии этих проблем исследователями).

Пятый раздел – репрезентация рационалистической концепции самой Н.С. Автономовой. Четыре филолога-философа (Якобсон, Бахтин, Лотман, Гаспаров), четыре учителя, собеседника сходятся в заключительном разделе в артикуляции взглядов автора книги. В этом нет никакой итоговости, – только «открытость» новым направлениям гуманитарно-рационалистических исследований. Хочется относиться к книге Н.С. Автономовой как к началу новой исследовательской, культурно-исторической традиции (в дисциплинарном, а не в методологическом смысле) – анализу-интерпретации гуманитарных философских, филологических, культурологических и других метатекстов на основе высочайшей научной культуры организации материала, работы с источниками, практики разъяснения научно-исследовательского (не художественного, философского, религиозного, обыденного) текста. Мы можем условно назвать это направление герменевтикой научного текста. Конечно, перевод (во всех аспектах) играет в этом процессе ключевую роль.

На этом пути исследователей подстерегает ряд опасностей. Одна из них – «культ личности» ученого-гуманитария. Лотман писал о Пушкине, Карамзине, Радищеве и совсем немного о Томашевском, Тынянове, Бахтине. Бахтин – о Рабле, Достоевском. Это вполне соответствовало исходной задаче филолога, историка литературы. Даже когда акцент, например, у Лотмана, ставился не на «историческом

имени», а на поэтике, общих структурных принципах, совершался конкретный выход в тексты конкретных авторов. Кризис отечественного структурализма в 1990-х дал о себе знать прежде всего потоком самоописаний типа «Московско-тартуская школа как феномен» и т.п. Причем такие самоописания чрезвычайно интересны и плодотворны, среди них встречаются подлинные шедевры, но все равно это сигнал исчерпанности метода. И нет научных, рациональных причин такой исчерпанности. Структурные исследования затормозились как раз тогда, когда появилась возможность теоретического и методологического синтеза, когда был накоплен гигантский опыт структурного анализа самых разнообразных текстов культуры. Все эти накопления были оттеснены новой научной (или квазинаучной) стилистикой. Мне кажется, что политика книжных издательств сыграла здесь решающую роль: вступил в действие экстерналистский, вненаучный фактор.

В заключение хочу сказать, что «Открытая структура...» Н.С. Автономовой открывает качественно новый период в саморефлексии гуманитарного знания. Особенности этого периода в том, что он основывается на строгих рационалистических принципах структурного анализа, оригинальной теории и философии перевода, объективно-историческом отношении к метатекстам культуры. Мне хотелось бы назвать объект исследований подобного рода поэтикой научного творчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. – М., 2009. – С. 4.

[2] Там же. – С. 8 – 9.

[3] Там же. – С. 9.

[4] См.: *Автономова Н.С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. – М., 2008.

[5] *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. – С. 15.

[6] Там же. – С. 88.